

УДК 81'373:[811.161+811.581]

UDC 81'373:[811.161+811.581]

ВТОРИЧНЫЕ НОМИНАЦИИ ФЕНОМЕНА СМЕРТИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Инь Дун,

аспирант кафедры языкознания и лингводидактики
Белорусского государственного педагогического
университета имени Максима Танка

Поступила в редакцию 30.10.19.

SECONDARY NOMINATIONS OF THE PHENOMENON OF DEATH IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Yin Dong,

Postgraduate Student of the Department of
Linguistics and Linguodidactics of Belarusian State
Pedagogical University named after Maxim Tank

Received on 30.10.19.

В статье исследуются вторичные номинации, репрезентирующие феномен смерти в русском и китайском языках. Выявляются источники метафорической экспансии, которые относятся к персонифицированной, артефактной, природной и пространственно-временной сферам. Характеризуется семантическая оппозиция *жизнь – смерть*, разделяющая семантическое пространство на две антонимические части. Устанавливаются различия представлений о смерти в русском и китайском дискурсах, обусловленные спецификой актуализации тех или иных маркеров смерти, а также особенностями мировосприятия и миропонимания носителей двух разных языков.

Ключевые слова: русский язык, китайский язык, феномен смерти, метафора, модель, вторичные номинации.

The article examines secondary nominations representing the phenomenon of death in the Russian and Chinese languages. The sources of metaphorical expansion, which relate to the personalized, artifact, natural and space-time spheres, are revealed. The semantic opposition "life – death" is characterized, which divides the semantic space into two antonymic parts. The author establishes the differences of ideas about death in the Russian and Chinese discourses, due to the specifics of actualization of certain markers of death, as well as the peculiarities of world perception and worldview of speakers of two different languages.

Keywords: Russian language, Chinese language, the phenomenon of death, metaphor, model, secondary nominations.

Понятие «смерть» в научной парадигме считается многогранным культурным феноменом, и его изучением занимаются ученые различных отраслей знаний. Философов больше занимают вопросы смысла человеческой жизни, ее длительности, смерти и бессмертия, а также возможности перехода к сфере трансцендентного бытия, существования других форм жизни и разумных внеземных цивилизаций в бесконечной Вселенной. В философии феномен смерти исследуется в онтологическом, гносеологическом, аксиологическом, телеологическом, психологическом, нравственно-этическом и мировоззренческом разрезах [1–3].

Культурологи исследуют мифотемы и образы смерти в различных культурах. Литературоведы и искусствоведы анализируют образы смерти, представленные в произведениях художественной литературы и изобразительном искусстве. В лингвистике описываются особенности репрезентации концепта «смерть» в различных языках и национальных языковых картинах мира. Этнографы интересуют разнообразными обрядами похоронной культуры. В медицине изучением смерти занимается танатология, в компетенцию которой входит исследование категорий и видов смерти, установление причин ее наступления и др. Биохимики изучают процессы старения и умирания человеческого организма. Судебно-медицинская экспертиза рассматривает смерть с позиций правоохранительных органов, раскрывающих и расследующих преступления [4–7].

Большое число метафорических ЛСВ, ассоциативных связей, устоявшихся выражений, исползуемых для обозначения смерти, позволяет очертить концептуальное поле смерти, в котором вторичные ЛСВ образуются по инвариантной модели «смерть – это...».

Образ смерти часто персонифицируется, в сознании носителей языка смерть приобретает человеческие черты в образах женщины, старухи, воровки, садовницы, сводни, старика, патриарха, класискателя, гостя, метельщика улиц (в русском языке), образа учителя, духа-защитника, разоблачителя (в китайском языке): *И все-таки смерть – это женщина* (И. Грошек); *Стоит старуха-смерть у каждого угла* (В. Брюсов); *Смерть – это старуха с ложкой, из глаз свет вычерпывает, оттого он у покойника и меркнет, пока райский свет не загорится* (М. Елизаров); *Всегда голодная, холодная воровка, смерть тихой сапою ступает по земле* (И. Лиснянская); *Где отступается любовь, там подступает смерть-садовница* (М. Цветаева); *Придет ли смерть, загадочная сводня, и лезвием по горлу защекочет* (В. Хлебников); *Но придет и властно глянет в очи смерть, старик угрюмый и костлявый* (Н. Гумилев); *Смерть – патриарх. Перед зорями смерть патриархом* (А. Мариенгоф); *И киркою смерть-кладоискатель из сраженных души исторгает* (Н. Клюев); *Утихнет жизни рокот жадный, и станет музыкаю тишь, гость босоногий, гость прохладный, ты и за мною прилетишь* (В. Набоков); *Смерть – это тот метельщик улиц, что каждый день, на рассвете, едет по городу, с ящиком для мусора и других отбросов...* (С. Гарин); *死亡是一位透明的老师。活得好好的人是看不到它的。(毕淑敏) – Смерть есть один «прозрачный» учитель. Люди, которые живут хорошо, не могут ее видеть.* (Би Шумин); *死亡是万能的保护神, 在死亡面前才有真正的人人平等, 死亡是至高无上的权威!* (人民日报) – *Смерть – всемогущий дух-защитник, только перед лицом смерти существует истинное равенство для всех, а смерть – высший авторитет!* (HEГ); *死亡永远是个揭露者。(冰心) – Смерть всегда разоблачитель* (Бин Синь).

Образ смерти в русском и китайском дискурсах представлен амбивалентными определениями и толкованиями. С одной стороны, смерть выступает как нечто угрожающее и ужасное. Это трагедия, разрушение жизни, страшное событие, сердечная утрата, сильное эмоциональное переживание: *И все же смерть – это трагедия* (В. Молчанов); *Одна смерть – это трагедия* (А. Тарасов); *Смерть Надежды Надеждиной – трагедия* (О. Лепешинская); *Смерть одного – трагедия, гибель миллиона – статистика* (А. Семенов); *Смерть – это скверная штука, что бы там ни говорили о ней* (В. Кин); *Смерть омерзительная штука!* (Д. Липскеров); *Для меня смерть – такая непонятная и ужасающая вещь...* (Я. Гинзбург); *Смерть – вещь страшная* (А. Писемский); 凯利之死是“一场可怕的悲剧”。(人民日报) – *Смерть Келли была одной ужасной трагедией* (НЕГ); 夏衍却认为这个敌人的死是“最惨痛”的“悲剧”。(人民日报) – *Ся Янь считает, что смерть этого врага является самой горькой трагедией* (НЕГ); 当时麟趾的年纪还小, 无论什么都怕, 死自然是最可怕的一件事。(许地山) – *В то время Линь Чжи был еще маленьким, всего боялся, смерть естественно, самая страшная вещь* (Сюй Дишань); 死亡虽是一件可怕的事, 但大舅妈一定觉得她过的生活比死亡更难受, 她就不想活了。(王火) – *Хотя смерть – ужасная вещь, но все равно тете показалось, что ее жизнь была более неудобной, чем смерть, и она не хотела жить* (Ван Хуо); 死是那么可怕的事啊。(严歌苓) – *Смерть такая ужасная вещь* (Янь Гэлин).

В определении смерти часто указывается на серьезность, трудность этого негативного явления: *Смерть – серьезная штука* (К. Бадигин); *Да, смерть – дело важное* (А. Толстой); *Личная смерть – это событие громадное, конечно* (А. Волос); *Смерть, милый друг, – тоже событие в жизни, тут добросовестно надо, без халтуры, как... как дела сдать* (Н. Катерли); 死是自己的最后一件大事, 一定要选个好点的日子。(古华) – *Смерть – последнее важное дело, и надо выбрать лучший день* (Су Хуа); 生和死是最大的一件事.....(人民日报) – *Жизнь и смерть – самые большие вещи...* (НЕГ); 我的心死了, 只为这块肉体活着, 死是万难的事!(老舍) – *Мое сердце мертво, я живу только для этой плоти, смерть – чрезвычайно трудное дело!* (Лао Шэ).

С другой стороны, смерть – это обычная вещь, житейское дело, привычное и в чем-то положительное для людей явление: *Жизнь есть тайна, а смерть – вещь обычная* (А. Пашкевич); *Вот и меня поразило, что смерть – такая обычная вещь* (О. Домбровский); *Смерть – вещь обыкновенная, особенно в наши годы, она уж в порядке вещей* (В. Жадовская); *Смерть – дело житейское* (Г. Щербаклова); *Своевременная смерть – доброе дело* (А. Григоренко); 死应该是一件轻松的事。生才是严峻的。(史铁生) – *Смерть должна быть легкой задачей. Жизнь суровая* (Ши Тешэн); 死并不是一件难事。(巴金) – *Смерть – это несложная вещь* (Ба Цзинь); 死是多么简单的一件事, 死简化了一切, 结局反正都一样。(周国平) – *Смерть – это такое простое дело, смерть упрощает все, и окончание все равно одно и то же* (Чжоу Гопин); 在敌人的魔手下, 一个人的死亡是毫不足为奇的事。(老舍) – *Если быть в лапах врага, смерть од-*

ного человека – это дело житейское (Лао Шэ); 而且我还认为, 死也是好事情。(季羨林) – *И я также думаю, что смерть – это тоже хорошее дело* (Цзи Сяньлинь); 你们不要这样为我难过, 死是一件很快活的事啊。

(毕淑敏) – *Не грустите за меня, смерть – это очень веселая вещь* (Би Шумин); 死或者是件静美的事。(老舍) – *Смерть, возможно, это тихое чудесное дело* (Лао Шэ); 死亡可能真是一件很美妙的事情。(毕淑敏) – *Смерть, возможно, действительно замечательная вещь* (Би Шумин).

В русском авторском дискурсе смерть может отождествляться с чудом, счастьем, прелестью: *Смерть – это чудо* (М. Шишкин); *Ведь на каждый день талдычит мне, что смерть – это счастье!* (М. Палей); *Смерть – это прелесть* (Л. Андреев).

Определение смерти часто укладывается в пространственно-временную модель, в которой очерчивается граница, некий предел, порог, недоступная точка перехода бытия от одной его формы к другой. Для этого используются субстантивные границы, конеч: *Смерть – это всего лишь очередная условная граница бесконечного пути* (Т. Соломатина); *Смерть – граница жизни* (В. Пелевин); *Смерть – это конец человеческого существования, конец дороги, за которой только пустота* (Д. Бавильский); *Во всех странах смерть – это конец* (В. Молчанов); *Смерть – вот конец его и не только его личной жизнедеятельности* (В. Алексеев); *Смерть тебя – твой конец* (Я. Ларри); 死, 是生命的终结。(CCL) – *Смерть – это конец жизни* (CCL); 这个93岁的政治家走到了生命的终点。(吴晓波) – *Этот 93-летний политик пришел к концу своей жизни* (У Сяобо); 从那时起, 基恩开始大量地吸毒, 一直到他生命的结束。(徐军) – *С тех пор Цзиэнь начал употреблять много наркотиков до конца своей жизни* (Сюй Цзюнь); 悠悠地踱着赤道下的野森林的日子, 打着羊皮鼓待生命的完结。(斐儿) – *Жил неторопливо в диком лесу под экватором, играл на барабане из овчины и ждал конца жизни* (Фэйэр); 他人生29岁就走到了生命的极限。(CCL) – *В возрасте 29 лет он дошел до крайней границы жизни* (CCL); 死亡是生命浓黑的限界。(CCL) – *Смерть – это граница тьмы в жизни* (CCL).

В китайском языке, кроме того, смерть это еще точка, край:

也许刘杰工程师在放弃安度晚年的时候, 根本没有想到会这么早地永别家人, 也许更没有想在1993年12月打上生命的句号。(CCL) – *Возможно, когда инженер Лю Цзе отказался от возможности спокойно прожить последние годы, он даже не думал, что уйдет навсегда из семьи так рано, и, возможно, даже не думал поставить точку жизни в декабре 1993 года* (CCL); 到了这年9月, 被折磨出一身疾病的潘天寿带着遗憾画下了生命的句号。(CCL) – *В сентябре этого года Пань Тяньшоу с сожалением поставил точку жизни* (CCL). 听到检查结果, 杜永霞知道自己已经走到了生命的边缘。(CCL) – *Когда услышала результаты проверки, Ду Юнся поняла, что она достигла края жизни* (CCL).

Пространственно-темпоральная модель реализуется также в смысловых структурах полисемантов *выход, освобождение, развязка*, представляющих смерть как некий выход из сложных жизненных ситуаций, душевных потрясений, болезненных состояний: *Нет, друг, смерть – самый легкий*

выход из положения (С. Романов); **Смерть Марии** – **выход** из душевного тупика (С. Есин); **Смерть стоит передо мной, как выздоровление перед больным, как выход после болезни...** (И. Ефремов); **Я умираю, смерть единственный выход...** (В. Набоков); **Но смерть и воскресение есть «единственный» и действительный выход из греха и зла** (Г. Флоровский); **Только смерть для нее – развязка и освобождение** (Р. Беньяш); **Смерть – единственное освобождение от наших бед** (И. Мечников); **Смерть есть и оковы и освобождение от оков** (А. Чехов); 他说,病魔缠身,死也许是最好的解脱。(人民日报) – **Он сказал, что если опутал демон болезни, смерть, возможно, – лучшее освобождение** (НЕГ); 也许死亡是对她永久的一种解脱,她活着是一种痛苦。(迟子建) – **Возможно, смерть – это освобождение для нее навсегда, а жизнь – это боль** (Чи Цзыцзянь); 死亡更像是清凉的夜,让罪人们得到宁静和解脱。(人民日报) – **Смерть больше похожа на прохладную ночь, дающую грешникам мир и освобождение** (НЕГ); 只有死亡才是脱离营地唯一的方法。(人民日报) – **Только смерть – единственный выход из лагеря** (НЕГ).

В эту модель также включаются китайские субстантивы *逃避处* 'убежище', *归宿* 'приют': 但现在似乎死是唯一的逃避处所了。(茅盾) – **Но теперь кажется, что смерть – единственное убежище** (Мао Дунь); 在她看来死也是一种安详的归宿。(人民日报) – **По ее мнению, смерть – это также безмятежный конечный приют** (НЕГ).

В русском и китайском дискурсах получили отражение сложившиеся веками представления о смерти как начале нового неземного пути, как возвращению. С этой целью часто используются противительные конструкции типа «смерть – не конец, а начало... возвращение»: **В книгах Соркина, однако, смерть – не конец, а начало** (А. Генис); **Смерть в моем раннем сознании – не конец, не то, а начало, перелом** (Д. Самойлов); **Это не смерть Алешина, а возвращение** (Л. К. Чуковская); **Знать бы заранее, что смерть – это возвращение утраченного, стоило ли тянуть эту ляжку?** (Ю. Нагибин); 死亡并不是人生的终点,遗忘才是。(人民日报) – **Смерть – это не конец жизни, забывание – это конец** (НЕГ); 死亡并不是生命的终结,而是另一种开始,大自然是不断轮回、生生不息的。(人民日报) – **Смерть – это не конец жизни, а другое начало, природа непрерывно перевоплощается и бесконечна** (НЕГ); 所以死并不是生的断绝,而是回到宇宙生命的怀抱,可以说是新的生的开始。(人民日报) – **Следовательно, смерть – это не разрыв жизни, а возвращение в объятия вселенной, что можно назвать началом новой жизни** (НЕГ).

Смерть в ряде случаев осмысливается как переселение в иной мир, который можно достичь, преодолев длительный и нелегкий путь. Этот путь в русском и китайском языках определяется как путешествие, переход от плотской к духовной жизни, к вечному покою: **Разве ты не знаешь, что смерть – это путешествие**. (В. Молчанов); 一个百岁老人走完了他生命的最后旅程。(CCL) – **Один столетний старец закончил последнее путешествие своей жизни** (CCL).

Одинаковыми для русского и китайского языков являются отождествления смерти со сном: **А потому смерть – этот проклятый вечный сон?!** (Е. Евтушенко); **И в самом деле, похоже на то, что смерть есть последний сон** (Л. Шестов); **Сон, сударь мой, есть смерть теплая, а смерть сон холодный** (О. Сенковский); 颂莲披衣坐在床上,她不相信死是个梦。(苏童) – **Сунлянь сидит на кровати, она не верит, что смерть – это сон** (Су Тун). В русском дискурсе для обозначения смерти также используются существительные *тайна*, *таинство*, *иллюзия*: **Смерть – страшная неразгаданная тайна** (С. Надсон); **Смерть – самая распространенная тайна** (А. Иличевский); **Смерть – это самое великое таинство жизни** (В. Левашов); **Смерть – такое же таинство, как и рождение** (П. Гнедич); **Смерть – это только иллюзия человеческого разума** (Е. Евтушенко).

Смерть в отдельных случаях ассоциируется с бурей, ветром, его стремительным круговым движением: **Напевая в сиренях млечных, буря смерти несется в рай** (Б. Поплавский); **Иная близится пора, уж ветер смерти сердце студит** (А. Ахматова); **Все мы сметники. Все – камикадзе. Ветер смерти свистит в ушах** (Е. Евтушенко); **Смерть – это вихрь, действующий молниеносно** (Ю. Трифонов); 死亡是风,吹荡在人紧缩的身体上,死亡永远抹掉一些面孔,却抹不掉花名册上不变更的名字.....(司马中原) – **Смерть – это ветер, дующий на сжатое человеческое тело, смерть стерла некоторые лица навсегда, но она не стирает неизменное имя в списке...** (Сима Чжунъюань).

Традиционной для русского дискурса является модель, в которой смерть отождествляется с ночью, темнотой, мраком: **Смерть – вечная ночь. Бездна вечных ночей. Сумрак вечной ночи** (Н. Языков); **Говорят, смерть это темнота, чернота, ночь** (Н. Коляда); **Вот почему я вас без страха ожидаю, ночь безрассветная и вечная постель!** (А. Фет); **Смерть – это та же тьма, только глаз, к ней привыкнув, не различает стула** (Ф. Искандер);

В китайском языке смерть ассоциируется с некоторыми атмосферными явлениями, туманом: 我关八只身飘泊,没牵没挂,生是一片云,死是一场雾.....(司马中原) – **Я Гуань Ба, бродя в одиночестве, свободно и безмятежно, для меня жизнь – это облако, смерть – это туман...** (Сима Чжунъюань).

В русском и китайском языках смерть часто отождествляется с конкретными предметами и артефактами (колоколом, зеркалом, амулетом, пером, плодом и многими другими реалиями): **Смерть постигая звериным умом: кто она? Колокол в сумерках пегих** (Н. Клюев); **Но смерть – это зеркало, что не лжет** (И. Бродский); **Смерть – холодный бархат пролетающего облачка** (А. Белый); 这个道理很容易明白,死掉是最好的护身符。(王小波) – **Легко понять, что смерть – лучший амулет** (Ван Сяобо); 他说死亡是轻飘飘暖洋洋的羽毛一般。(毕淑敏) – **Он сказал, что смерть – это легкое и теплое перо** (Би Шумин); 死亡是一个红果子,要好多年才熟。(毕淑敏) – **Смерть – это красный плод, созревание которого займет много лет** (Би Шумин)

В небольших фрагментах текстов русского и китайского языков часто используются противопоставления жизни и смерти. Оппозиция *жизнь – смерть*, которую называют концептуальной диадой, создает яркий антитезный, констративный рисунок повествования, в котором кодируются различные образы и отождествления. Контрадикторные антонимы *жизнь – смерть* как бы разделяют семантическое пространство на две части, маркированные положительными и отрицательными знаками: *Жизнь – это есть общение с Богом, смерть – это нарушение общения с Богом* (Д. Смирнов); *Смерть есть ночь, жизнь есть день* (М. Волькенштейн). Такие оппозиции в ряде случаев не носят чисто антонимического характера. Как правило, к каждому из таких понятий приводятся образные выражения и определения, отражающие разные сущности жизни и смерти человека: *Жизнь – это натянутый лук, а смерть – это полет пущенной стрелы* (М. Шишкин); *Жизнь – это струна, а смерть – это воздух* (М. Шишкин); *Смерть – это только равнины. Жизнь – холмы, холмы* (И. Бродский); *Но если жизнь – базар крикливый Бога, / То только смерть – его бессмертный храм* (А. Фет); *Жизнь и смерть – это Вечный день, День Страшного Суда, происходящего сейчас и всегда* (А. Прокопьев); *Жизнь – безумный всадник. Смерть – обрыв неожиданный, немислимый* (Ю. Набоков); *生是嫩芽, 死是落叶*。(人民日报) – *Жизнь – это молодые всходы, а смерть – падший лист* (НЕР); *死是悲剧的一章, 生则更是一场悲剧的主干!* (徐志摩, 林徽因) – *Смерть – это одна из глав трагедии, а жизнь основа трагедии!* (Сюй Чжимо, Линь Хуэйинь). *生死为昼夜*。(庄子) – *Жизнь и смерть, это день и ночь* (Чжуан-цзы); *生、人之始也, 死、人之终也, 终始俱善, 人道毕矣*。(荀子) – *Жизнь (рождение) – это начало человека, смерть – это конец человека. От начала до конца – это великий принцип человека* (Сюнь-цзы).

В отдельных случаях понятия жизни и смерти отождествляются: *Жизнь – это смерть, а Смерть – это жизнь* (В. Слипичук).

Таким образом, феномен смерти в русском и китайском языках представляется как глубинный смысловой компонент в структуре экзистенциальности, как общественно-историческая практика,

подытоживание опыта человека, попытка человека заглянуть в окутанную тайной сферу «иной жизни», разгадку которой пытаются найти философы, религиозные деятели, писатели и поэты. Этот феномен отражается в дискурсах русского и китайского языков во всей своей полноте, целостности, во всем многообразии своего формального выражения.

В концептуальном поле «смерть» отражаются важнейшие категории и установки жизненной философии двух народов. Несмотря на различия в культуре, религии, истории, мифологии и других областях знаний, в русском и китайском языках наблюдаются типологически схожие выражения и определения смерти. В реципиентную сферу семантических моделей включаются персонифицированные ЛСВ, отождествляющие образы смерти и человека как представителя определенного возраста, пола, рода занятий. Одинаковыми для русского и китайского дискурсов являются ассоциации смерти с конкретными предметами, природными явлениями, со сном, а также пространственно-временные представления о смерти как продолжении дальнейшего духовного пути, как переход бытия от одной его формы к другой.

Образ смерти, чаще всего представленный трагедией, неизбежным концом, страшным событием, носит исторически и психологически сложившиеся негативные коннотации. Правда, в отдельных случаях, смерть носит положительную коннотацию и истолковывается как обычная житейская вещь, доброе дело.

Различия в представлениях о смерти в русском и китайском дискурсах обусловлены спецификой актуализации тех или иных маркеров смерти и объясняются различиями в культуре, религии, национально-исторических традициях носителей двух разных языков, спецификой их мышления, принципами кодирования информации. В китайском языке, например, насчитывается большее число локативно-временных номинаций (*точка, край, убежище, приют*), в русском языке превалируют персонифицированные номинации (*женщина, старуха, воровка, садовница, сводня, старик, патриарх, кладоискатель, гость, метельщик улиц*), а также обозначения с положительной коннотацией (*чудо, счастье, прелесть*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Панов, С. В. Проблема смерти в философии : Онтологический аспект : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / С. В. Панов; – М. : 2002. – 23 с.
2. Федяй, Д. С. Философское осмысление феномена смерти: гносеологические аспекты : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Д. С. Федяй. – Саратов, 2005. – 23 с.
3. Огранович, Д. А. Осмысление феномена «смерти»: социально-философский аспект : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Д. А. Огранович. – М. : 2007. – 23 с.
4. Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес. – М. : «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. – 445 с.
5. Лаврин, А. Хроники Харона. Энциклопедия смерти / А. Лаврин. – Новосибирск : «Сибирское университет. изд-во», 2009. – 544 с.
6. Минеев, В. В. Социальные аспекты смерти / В. В. Минеев. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 473 с.
7. Сенека, Л. А. Письма о жизни и смерти / Л. А. Сенека. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2012.

REFERENCES

1. Panov, S. V. Problema smerti v filosofii : Ontologicheskij aspekt : avtoref. dis. ... kand. filoz. nauk : 09.00.01 / S. V. Panov. – M. : 2002. – 23 s.
2. Fedayay, D. S. Filosofskoye osmysleniye fenomena smerti: gnozeologicheskiye aspekty : avtoref. dis. ... kand. filoz. nauk : 09.00.01 / D. S. Fedayay. – Saratov, 2005. – 23 s.
3. Ogranovich, D. A. Osmysleniye fenomena «smerti»: sotsialno-filosofskiy aspekt : avtoref. dis. ... kand. filoz. nauk : 09.00.11 / D. A. Ogranovich. – M., 2007. – 23 s.
4. Aries, F. Chelovek pered litsom smerti / F. Aries. – M. : «Progress» – «Progress-Akademiya», 1992. – 445 s.
5. Lavrin, A. Khroniki Kharona. Entsiklopediya smerti / A. Lavrin. – Novosibirsk : «Sibirskoye universitet. izd-tvo», 2009. – 544 s.
6. Mineyev, V. V. Sotsialnyye aspekty smerti / V. V. Mineyev. – M. : Direkt-Media, 2014. – 473 s.
7. Seneka, L. A. Pisma o zhizni i smerti / L. A. Seneka. – M. : OLMA Media Grupp, 2012.